

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.15>

Попов Данил Сергеевич

Стоический нарратив: к вопросу о стратегиях изучения стоического наследия в западной философской мысли

Цель исследования - выявить феномен стоического нарратива в западной философской мысли. Понимая нарратив как подвид дискурса, автор сопоставляет с ним феномен "стоической мудрости" в истории западной мысли. Опираясь на разработки отечественных и зарубежных стоеиковедов, автор впервые предпринимает попытку применить нарративную методологию к измерению "стоической мудрости" в культуре, что обуславливает научную новизну работы. Согласно результатам исследования, стоический нарратив, будучи неотъемлемым компонентом западной философской мысли, является самостоятельной формой представленности стоических идей в культуре наряду с учением Стои и стоицизмом. Рассмотрение наследия Пёстрога портика как нарратива предлагает новую методологическую основу для исследования места и роли идей стоиков в философии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/15.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 80-87. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.15>

Дата поступления рукописи: 28.07.2020

Цель исследования – выявить феномен стоического нарратива в западной философской мысли. Понимая нарратив как подвид дискурса, автор сопоставляет с ним феномен «стоической мудрости» в истории западной мысли. Опираясь на разработки отечественных и зарубежных стоиковедов, автор впервые предпринимает попытку применить нарративную методологию к измерению «стоической мудрости» в культуре, что обуславливает **научную новизну** работы. Согласно **результатам исследования**, стоический нарратив, будучи неотъемлемым компонентом западной философской мысли, является самостоятельной формой представленности стоических идей в культуре наряду с учением Стои и стоицизмом. Рассмотрение наследия Пёстрога портика как нарратива предлагает новую методологическую основу для исследования места и роли идей стоиков в философии.

Ключевые слова и фразы: стоическая философия; стоицизм; стоическое наследие; стоический нарратив; философская мысль.

Попов Данил Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Evseyiy-Dan@yandex.ru

Стоический нарратив: к вопросу о стратегиях изучения стоического наследия в западной философской мысли

Актуальность. В последние десятилетия можно наблюдать устойчивый рост интереса к стоикам и их наследию как со стороны академических исследователей, так и со стороны широкой публики. Стоические идеи становятся основой для мировоззрения огромного количества людей, выступают в роли живой практической философии. Представляется, что такой всплеск интереса делает востребованной рефлексию, которая касалась бы не только причин такого феномена, но и поставила бы вопрос о самом характере бытия стоических идей в мысли (и прежде всего в философской мысли) западного мира.

Этот вопрос действительно непростой. И первейшая проблема, которая встает перед нами в этом ключе, – понятийная. То, как мы говорим о стоическом наследии и его месте в западной культуре, во многом определяет и то, что мы получаем в итоге.

Опираясь на идею о необходимости различать понятия «учение Стои» (совокупность доктрин исторической Стои) и «стоицизм» (стиль рефлексии над стоическими догмами, стиль практических моральных наставлений) [14, с. 6], отметим, что стоические идеи, которые притягивают интерес мыслящего человека, сложно отождествить со стоической философией *как таковой*. Едва ли все великолепное здание стоической теории познания, антропологии, космологии, физики глубоко интересует огромное количество неспециалистов, которые охотно используют в своей жизни стоические практики. На это обращает внимание П. Адо, отмечая, что отделять античные практики от сопровождающей их мифической и философской речи возможно: «...нет необходимости верить в универсальную Природу и универсальный Разум стоиков, чтобы практиковать эти упражнения» [1, с. 309].

Впрочем, древние стоические доктрины, укорененные в античных научных представлениях о мире и человеке, сами по себе не кажутся первоочередным предметом интереса мыслителей. Так, Л. Шестов пишет: «Стоическая философия, отделённая от стоической жизни, теряет всякий смысл. Но не наоборот. Никак не скажешь, что жизнь стоика, если бы он даже никогда не пытался оправдать себя рассуждениями, была бы лишена притягательной силы» [23, с. 92].

Стратегия использования термина «стоицизм» также имеет свои ограничения. Прежде всего, смущает тот факт, что этим термином сегодня принято обозначать совершенно разные вещи. Так, ведут речь об античном стоицизме (подразумевая учение стоической школы в его полноте), о неостоицизме XVII в. и, например, о стоицизме А. Камю [12]. Представляется, что налицо смешение совершенно различных феноменов. В неразделенности этого чрезвычайно широкого понятия от внимания ускользает ряд тонкостей, которые необходимо учитывать тому, кто хотел бы ясно и отчетливо уловить специфику бытия стоических идей в западной культуре и мысли.

В работах отечественных стоиковедов мы видим интенцию предпринять и другие терминологические ходы. Так, М. В. Салимгареев в исследовании рецепций стоических идей в российском интеллектуальном пространстве середины XIX – начала XX века обращается к термину «стоическое наследие» [11]. П. А. Гаджикурбанова анализирует рецепции *стоической моралистики* в европейской философской мысли XIX-XX вв. [6].

Хотя мы находим все эти разработки интересными, наше внимание в большей степени привлекают идеи, которые мы находим в трудах А. А. Столярова. Он не только дифференцирует понятия «учение Стои» и «стоицизм» (о чем мы упоминали выше), но и имплицитно выделяет еще одно измерение существования стоических идей. Речь идет о некоей «стоической мудрости», паренетических наставлениях, которые, по словам А. А. Столярова, будучи самым поверхностным слоем стоического учения, оказались наиболее жизнеспособной его ипостасью, в которой и продолжали существовать важнейшие идеи Стои, «после того как высшая теория вместе со школой ушла в небытие» [14, с. 208].

Тем не менее думается, что сам А. А. Столяров употребляет термин «стоическая мудрость» скорее в риторическом смысле, нежели как строго обозначенное понятие. Для него, по всей видимости, более важной задачей было разделить понятия «учение Стои» и «стоицизм». Именно в главе, посвященной истории последнего, указанный термин (в целом ряде вариаций) и фигурирует.

По нашему мнению, фиксация А. А. Столяровым термина «стоическая мудрость» в отношении характера бытия стоических идей в западной культуре имеет важное значение и содержит серьёзный научный потенциал. Однако в таком виде его достаточно сложно использовать для научного исследования. К тому же слово «мудрость» уже включает в себе позитивные коннотации, в то время как к стоическим идеям могут относиться и в критическом, отвергающем жесте. Наконец, сам А. А. Столяров в целом ограничивает «стоическую мудрость» сферой паренетики – практических моральных наставлений – в то время как она в истории мысли актуализируется в самых разных дискурсах, включая религиозный и даже социально-политический.

Мы видим выход в том, чтобы, отталкиваясь от идей А. А. Столярова, попытаться говорить о «стоической мудрости», о стоическом наследии в западной мысли как о *нарративе*. Это упростило бы задачу, поскольку понятие «нарратив» за последние десятилетия получило детальную теоретическую разработку со стороны ведущих ученых в области гуманитарных наук. Применение этого понятия позволит воспользоваться развитым методологическим аппаратом нарратологии для изучения стоического наследия в западной мысли.

Обзор доступной нам историко-философской литературы показал, что нарративное измерение стоического наследия ранее отчетливо не позиционировалось. Тем не менее мы находим употребление данного термина в трудах известного исследователя стоического наследия в европейской политической мысли, ученого из Кембриджского университета Хр. Брука. Контекст, в котором он это делает, показателен. По его словам, в Новое время – в отличие от Античности – «нарратив стоицизма» (a narrative of Stoicism) за редким исключением не имел четкой привязки к какой-либо институции, которая бы обеспечивала стоическим идеям последовательное толкование [27, р. XIX].

Мы ставим перед собой следующие *задачи*: во-первых, изучить особенности нарратива как подвида дискурса; во-вторых, проанализировать предлагаемую А. А. Столяровым типологию форм стоического наследия, включающую «стоическую мудрость», и соотнести её с характеристиками нарратива; в-третьих, зафиксировать те возможности, которые нарративный метод открывает перед изучением стоического наследия в философской мысли.

Теоретическая база исследования двояка. С одной стороны, она основывается на методологических разработках ведущих отечественных и зарубежных стоиковедов: А. А. Столярова, А. С. Степановой, П. А. Гаджикурбановой, Хр. Брука, Т. Бенатуила; с другой, – к работе привлекаются труды авторитетных специалистов в области нарратологии.

Методология исследования определяется спецификой изучаемого материала. В работе используются методы нарративного, текстологического, контекстуального анализа. Применение сравнительного метода позволяет учитывать взаимовлияние рецепций стоического нарратива, соотносить феномены стоического учения, стоицизма и стоического нарратива.

Отметим, что *практическая значимость* подобной работы коррелирует с всевозрастающим интересом современного человека к стоическому наследию и стоическим практикам в аспекте их применимости к проблемам и противоречиям индивидуальной жизни. Исследование нарратива стоиков в философской мысли открывает перспективу обозрения оценок стоических идей лучшими умами европейской философии, которые могут находить их не только заслуживающими внимания, но и указывать на их превратный, опасный характер.

Нарратив как подвид дискурса

Существует множество подходов к пониманию нарратива и нарратологии. Не ставя себе целью рассмотреть и сравнить их все, в настоящей работе мы исходим из того смысла понятия «нарратив», который в него вкладывают одни из признанных специалистов в этой области – Й. Брокмейер и Р. Харре. Проанализируем несколько определений из их статьи «Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы».

Итак, прежде всего, Й. Брокмейер и Р. Харре рассматривают нарратив в соотнесении с феноменом дискурса, а именно как его подвид. «Мы рассматриваем нарратив, – пишут они, – как подвид дискурса, но как вид наивысшего уровня или классифицирующего понятия в таксономии нарративных форм более низкого уровня» [4, с. 31]. В качестве примера они приводят «зеленый язык» – экологический язык, столь популярный в современном западном мире. Он играет центральную роль в «озеленении» всех типов общественной и частной жизни, а подтипы дискурса, в которых он артикулируется, простираются от всех типов естественных до научных, моральных и литературных нарративов [Там же].

Акцент в определении нарратива как *дискурсивного образования*, который делают Й. Брокмейер и Р. Харре, позволяет перейти от его узкого понимания как рассказа о событии или повествования к его осмыслению *на уровне культуры*. Именно об этом говорит еще одно общепринятое определение нарратива как ансамбля «лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или её социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством» [Там же, с. 30]. Рассказанная история, её рассказчик, слушатели – все это оказывается связанным с базовой культурно-исторической структурой, переплетаясь с набором дискурсивных порядков, определяющих жизнь того или иного общества [Там же, с. 31].

Здесь мы касаемся функций наррации. Й. Брокмейер и Р. Харре указывают, что с этой точки зрения нарратив – это «слово для обозначения специального набора инструкций и норм, предписывающих, что следует

и чего не следует делать в жизни, и определяющих, как тот или иной индивидуальный случай может быть интегрирован в некий обобщенный и культурно установленный канон» [Там же, с. 37]. Это очень важно, поскольку устная и письменная повествовательные формы составляют фундаментальную психологическую, философскую, лингвистическую и культурологическую основу попытки человека достигнуть соглашения с природой и условиями своего существования [Там же, с. 30].

Здесь возникает проблема нарративного авторства. Й. Брокмейер и Р. Харре отмечают, что нарративы не являются ни индивидуальными изобретениями, ни репрезентацией объективного порядка вещей. Они ссылаются на М. М. Бахтина, который, выдвигая принцип «полифоничности», считал, что смысл каждого слова определяется теми многими контекстами, в которых оно использовалось ранее; что каждое слово несет в себе следы всех тех субъектов (возможных и реальных), которые «когда-либо использовали это слово, предложение или нарратив» [Там же, с. 34].

Рассмотрение нарратива с такой точки зрения демонстрирует потенциал использования нарратологии в гуманитарных науках, особенно в контексте современного интереса к преодолению классического представления о научной теории и рациональности. Нарративный анализ учитывает лингвистические, культурные, ситуационные ограничения, влияющие на дискурс [9, с. 89-90]. Исторически обусловленное «конкретное слово осуществляет “локализацию” и “темпорализацию” “идеального смысла”» [15, с. 145].

В этом отношении Й. Брокмейер и Р. Харре утверждают, что «нарратив является в особой степени открытой и гибкой структурой, позволяющей наиболее адекватно исследовать такие фундаментальные аспекты человеческого опыта, как его открытость и гибкость» [4, с. 39]. Элементы или структуры нарратива присутствуют в самых разных типах дискурса: научном, правовом, историческом, религиозном, политическом. Носят нарративный характер и некоторые философские тексты [Там же, с. 31-33].

В качестве примера всего этого Й. Брокмейер и Р. Харре приводят уже упоминавшийся выше «зеленый язык». Нарративные структуры, которыми он пропитан, оказываются чем угодно, но только не жесткими и стабильными формами. Они скорее удивительно открыты и способны к адаптации и смене собственной формы с изменением дискурсивного контекста. Так, «зеленые тексты», которые содержат в себе структуры воспитательного романа, претерпевают изменения в зависимости от того, публикуются ли они экологическими или промышленными организациями, учеными-естествоиспытателями, правительством или социологами [Там же, с. 39]. Все это позволяет авторам сделать важный вывод: сама форма нарративов меняется под влиянием требований ситуации, в которой они оказались. Иными словами, нарратив очень чувствителен к «изменчивой и подвижной природе человеческой реальности, поскольку является частью этой реальности. Именно это делает его важным объектом исследования для гуманитарных наук вообще» [Там же].

«Стоическая мудрость» в концепции А. А. Столярова как нарратив

Обозначив принятое нами понимание нарратива, обратимся к анализу концепции А. А. Столярова и к тем терминологическим ходам, которые он предлагает в деле изучения стоического наследия.

Итак, согласно А. А. Столярову, трансформация учения *Стои* в *стоицизм* начинается уже в эпоху Римской Стои и выражается в многоуровневой диффузии стоической доктрины, утрачивающей былую четкость и отвлеченную теоретичность [14, с. 286]. Отдельные элементы стоической теории усваиваются другими школами, а практическая паренетика стоиков (и этот пассаж сразу заставляет заподозрить её нарративный характер) «широко проникает в массовое сознание, где и продолжает существовать в *деформированном* (курсив автора статьи. – Д. П.), но устойчивом облике» [Там же].

Примечательно, что первое упоминание о «стоической мудрости» у А. А. Столярова можно усмотреть как раз в контексте рассуждения ученого о паренетике. «Паренетика, – пишет автор, – эта “сумма” практической мудрости, будучи самым поверхностным слоем учения, оказалась наиболее жизнеспособной и долговечной его ипостасью» [Там же, с. 208]. А. А. Столяров указывает, что именно в ней продолжали существовать важнейшие идеи Стои, после того как школа вместе с её теорией перестали существовать [Там же].

В целом же термин «стоическая мудрость» в монографии А. А. Столярова представлен в разделе «Краткий очерк истории стоицизма». По всей видимости, он носит вспомогательный характер в деле изложения истории последнего и употребляется А. А. Столяровым более в риторическом смысле, нежели как понятие. Наряду с указанным термином автор употребляет и такие, как «языческая мудрость», «эталон практической мудрости»; говорит о «расплывчатом идеале мудрости» как о форме стоицизма и пр. Тем не менее мы можем обобщить основные характеристики этого явления.

Во-первых, исторически «стоическая мудрость» хотя и воспринимается преимущественно из текстов поздних стоиков, уже мало ассоциируется со своими школьными основаниями. Это выразилось двояко.

С одной стороны, в эпоху патристики был период «стоиков без Стои», когда важнее школы оказывается некая совокупность людей, чьи идеи, личная позиция могут быть приемлемы для христиан [Там же, с. 333-334].

С другой стороны, с VI века начинается эпоха «стоического без Стои», когда силу имел, прежде всего, «знакомый образ “возвышенной мудрости”» [Там же, с. 336].

Во-вторых, эта «стоическая мудрость» (по крайней мере, в отдельные периоды) существует в виде достаточно расплывчатого идеала [Там же, с. 345].

В-третьих, «стоическая мудрость» в истории мысли оказалась противоречивым феноменом. Эпохи интереса к ней сменялись моментами общего охлаждения. Даже в отдельно взятые периоды существовали люди, восторженно принимавшие стоические идеалы, равно как и «недрузи всего стоического» [Там же, с. 345-346].

На популярность стоических идей влияли также идеи, «конкурирующие» с ними. Так, возрождение интереса к эпикуреизму в эпоху Просвещения выразилось в росте антистоических настроений.

Итак, «стоическая мудрость» в истории мысли теряет связь со своими школьными основаниями, носит расплывчатый характер, вызывает противоречивые оценки. Продемонстрируем, как все эти черты нашли свое воплощение в рецепциях религиозной составляющей стоических идей.

Начнем с того, что, как указывает Хр. Брук, с конца XVI до середины XVII века в Европе существовала масштабная традиция, трактовавшая идеи стоиков, во-первых, как близкую христианству теистическую доктрину, а во-вторых, как мораль, которая может служить примером прикладной христианской этики [26, p. 390]. Чуть позже в контексте полемики вокруг философских идей Спинозы стоические идеи устойчиво начинают восприниматься как атеистические [Ibidem, p. 396].

С другой стороны, уже на рубеже XIX и XX веков для Л. Н. Толстого стоическое наследие вновь приобретает значение религиозной парадигмы [17, с. 105], репрезентируясь, однако, уже в виде, который отсылает к пантеизму [8, с. 99-103]. Его современник – один из основателей психологии религии У. Джеймс – вообще склонен был отказывать стоическому настроению (*emotional mood*) в статусе религиозного по преимуществу, называя его моральным или философским [30, p. 42-46].

Несколько позже португальский мыслитель-эссеист Ф. Пессоа будет настойчиво проводить идею о языческом характере стоических идей, которые в корне противоположны христианству [32, S. 1216].

Наконец, в середине прошлого века влиятельный протестантский теолог П. Тиллих отмечал, что «стоицизм – основополагающая религиозная позиция, независимо от того, существует ли она в теистической, атеистической или транстеистической формах» [16, с. 13].

Итак, мы видим, что стоические идеи действительно обладают поразительной способностью органично встраиваться в противоречащие друг другу концепции. Можно было бы объяснить этот философский парадокс тем, что «стоическая мудрость» не нашла достаточного понимания у её толкователей: писателей, религиозных мыслителей, незнакомых или малознакомых с научной картиной учения Стои. Однако еще более противоречивую картину рецепций стоических идей мы найдем среди *философов* прошлого века, жизнь которых пришлось на период, когда академическое изучение Стои, её историография активно развивались. Так, стоические идеи в философской мысли XX века предстают и как эскапистские [7, с. 314], не способствующие улучшению жизни общества [33, p. 712-713], и как глубочайшим образом социальные [19, с. 119-121]. Стоические моральные стратегии получают самую высокую оценку [2, с. 29-30, 70-72] и признаются достоинством узких и несимпатичных характеров [29, p. 312]. Стоическое настроение расценивается как оптимистическое и как пессимистическое. Последнее, пожалуй, ярче всего видно на примере оценок творчества Марка Аврелия. Если для Л. Шестова в текстах императора – «безысходная грусть заключенного в тюрьму, знающего, что ему уже больше никогда не увидеть вольного мира» [23, с. 92], то А. Швейцер решительно утверждает, что у него «оптимистические мотивы приобретают победное звучание» [19, с. 120].

На указанную проблему обращают внимание и отечественные стоиковеды. А. С. Степанова [13, с. 7] и П. А. Гаджикурбанова [6, с. 102] видят её истоки в фрагментарности дошедших до нас текстов древней и средней Стои. П. А. Гаджикурбанова пишет, что это ведет к появлению множества интерпретаций, когда все зависит от теоретических предпочтений толкователя и господствующих объяснительных схем. Таким образом, во главу угла выдвигаются разные аспекты учения стоиков. В результате возникают разные образы стоических идей, иногда противоречащие друг другу [Там же].

Признавая справедливость этих авторитетных указаний, мы склонны рассмотреть проблему в несколько другом ключе. Думается, что суть её коренится в самом характере «стоической мудрости», которая не сводится ни к стоическим доктринам, ни к стоицизму. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Следуя А. А. Столярову, мы разделяем понятия «учение Стои» и «стоицизм». Попробуем теперь разделить понятия «стоицизм» и «стоическая мудрость». В этом нам поможет структура изложения, к которой он прибегает. Выстраивая историю стоицизма, А. А. Столяров фактически говорит о целом ряде духовных движений, которые каждый раз по-новому обращались к «стоической мудрости», равно как и к элементам стоической доктрины. Это «христианский стоицизм», «неостоицизм», «терапевтический стоицизм». Каждое из этих духовных движений вызывалось к жизни потребностями в определенном мировоззрении [14, с. 332-333, 341]. Каждое из них несло в себе элементы определенной практической философии [Там же, с. 344].

Однако в таком случае кажется, что тот или иной стоицизм нетождественен «стоической мудрости». Стоицизм – определенное духовное движение, которое ангажировано стоическими идеями (вряд ли можно представить себе стоицизм, «адепты» которого в целом негативно относятся к идеям стоиков). Вполне вероятно, что стоицизм может воплотиться и в этосе конкретного человека, коль скоро он всецело проникся стоическими идеями и воспринимает их как, прежде всего, самостоятельную практическую философию [Там же, с. 6].

Что касается «стоической мудрости», то она, как представляется, живет и вне стоицизма. Многие мыслители, писатели, философы обращаются к тем или иным её аспектам для подтверждения собственных взглядов, в поисках ответа на беспокоящие их вопросы, без желания стать прямыми «последователями» стоиков. Некоторые из них находят «стоическую мудрость» вовсе немудрой, используют её как антипример для собственной «правильной» доктрины, критикуя стоические идеи и отталкиваясь от них.

Все это говорит о том, что «стоическая мудрость» – самостоятельный феномен: живущий в культуре набор идей, ассоциируемых со стоиками, восходящий к их учению, но не укоренный в строгой целокупности стоической теории. Мы находим косвенное подтверждение этой мысли и у самого А. А. Столярова, по мнению

которого, жизнеспособность стоических идей объясняется их пластичностью, способностью мимикрировать, вступать в симбиозы с другими учениями. Он подчеркивает, что *между* сухим научным «препаратом» и живым стоицизмом всегда существовала гуманистическая ипостась стоических идей, которая и жила в истории мысли [Там же, с. 348].

Мы полагаем, что все вышеописанное ясно указывает на нарративную природу «стоической мудрости», что и позволяет нам говорить о стоическом нарративе.

Обратившись к истории философии, мы выясним любопытную деталь: идею о существовании в культуре западного мира набора стоических идей (в нашей терминологии – стоического нарратива), оторванных от своих теоретических предпосылок и оказывающих на эту культуру серьезнейшее влияние, можно найти у целого ряда мыслителей.

Так, К. Ясперс отмечает, что стоическая система – это одна из тех великих систем мысли, которые существуют не в виде замкнутых на себе и имеющих четкие границы явлений, но как единства мысли великих движений и культурных образований, которые выступают как *универсальные, почти анонимные* [24, с. 182].

Выдающийся историк философии Э. Брейе указывает, что он нашел в «стоицизме» не столько ограниченную по времени и содержанию систему, «сколько точку отсчета для порыва, который, то замедляясь, то возрождаясь в своей устремленности, пронесется через всю Западную мысль» [3, с. 281].

Целый ряд упоминаний подобного рода мы находим в произведениях Л. Шестова. Он прямо пишет, что стоики «овладели сознанием мыслящего человечества» [21, с. 299], что нет «ни одной философской системы, которая не была бы в своей основе и глубочайших корнях стоической» [22, с. 342], что нельзя относиться к стоикам пренебрежительно, поскольку «нельзя себе даже отдаленно представить, во что превратилась бы европейская мысль, если бы рассеянные стоиками в мире идеи не взошли бы столь пышным цветом» [20, с. 349].

Кроме того, Э. Кассирер делает важное для нас замечание: когда Т. Джефферсон писал первые строки Декларации независимости США (о равенстве всех людей), он определенно говорил на языке стоической философии, хотя едва ли осознавал это [28, р. 167].

Наконец, по словам М. Фуко, «стоицизм» со времен древнего Рима и до XVII в. устойчиво выступает как определенный стиль существования, теоретическими рамками для которого служили совершенно разные учения – метафизики души. М. Фуко говорит, что он одинаково успешно развивался внутри рационалистического монотеизма, пантеизма, а также в среде того, «что можно назвать гуманистическим и одновременно универсалистским христианством XVII в.» [18, с. 172].

Таким образом, предварительно стоический нарратив можно определить как бытийствующую в дискурсивной форме совокупность идей, восходящих к стоическому учению, но оторванных от своего онтологического фундамента, и имеющих зачастую «деформированный» облик. Будучи чрезвычайно пластичным образованием, стоический нарратив легко вступает в симбиотические отношения с дискурсом той или иной культуры, эпохи, интеллектуальной традиции, служит предметом интереса (в том числе и критического) самых разных учений и мыслителей, что обуславливает многогранность его интерпретаций в истории мысли.

Вероятно, укорененность нарратива стоиков в западной культуре глубока настолько, что он иногда действительно выступает как практически анонимное в своем вездесущии образование. Вместе с тем в рамках научного исследования необходим критерий, который бы позволил ясно и отчетливо фиксировать этот самый нарратив в текстах. С весомостью проблемы соглашается и Хр. Брук, отмечая (применительно к трудам новоевропейских авторов), что бессмысленно было бы изучать философские тексты в поисках каждого фрагмента, который *напоминает* нам идеи стоиков. Некорректно также называть стоическим все то, «что имеет привкус самооформления, самодисциплины, фатализма или невозмутимости... ..ибо такие темы являются общим достоянием различных философских школ и религиозных традиций» [27, р. XIX].

В качестве выхода из этой ситуации мы предлагаем ориентироваться на употребление в текстах того или иного автора лексем «стоик», «стоический», «стоицизм». Думается, что это вполне определенно может указывать на апелляцию автора именно к стоическим идеям (как он их понимает).

Перспективы нарративного подхода к стоическим идеям в философской мысли

Уже существуют работы, которые исследуют стоический нарратив в художественной литературе [10]. Тем не менее необходимость постановки вопроса об исследовании стоического нарратива в философской мысли требует обоснования.

Мы полагаем, что актуальная философия (как свободное, неограниченное строгими рамками творчество) вряд ли заинтересована в воспроизведении древней стоической доктрины как таковой: с её представлениями о космосе, человеке, душе. Как указывалось выше, высокая стоическая теория «ушла в небытие» вместе со школой [14, с. 208]. Совсем по-иному философская мысль может относиться к стоическому нарративу – стоическим идеям, как они представлены в той или иной культуре, взятым без своего теоретического обоснования, существующим как будто самостоятельно. Именно здесь и возникает момент опосредования стоических идей личными предпочтениями интерпретатора, его интеллектуальной традицией, господствующей культурой.

Таким образом, нам необходимо объявить сферой, где нарратив стоиков по преимуществу живет и развивается, философскую мысль. В указанном смысле мы предлагаем отличать *философскую рецепцию* стоических идей и *историко-философское исследование*, которое со всей научной, понятийной строгостью подходит к принципиально иному делу – к изучению доктрин исторической Стои. О необходимости такого разделения свидетельствуют и мнения ученых.

Так, П. А. Гаджикурбанова склонна разделять исследовательские стратегии, направленные на работу с учением исторической Стои, и те, где, как в случае с Ж. Делезом, целью является «не столько дать новое прочтение стоической доктрины, сколько выявить в ней фундаментальные послышки для создания новой онтологии» [6, с. 106]. Приводя в пример того же Ж. Делеза, аналогичную мысль высказывает и французский исследователь Т. Бенатуил. По его мнению, Ж. Делез подходит к «стоицизму» не как историк философии, чья цель – объяснить стоическую доктрину как таковую, но как философ, который намеревается развить некоторые положения стоиков за пределами их учения [25, р. 366].

Все это очень важно, поскольку именно такие нестрогие рецепции и являются излюбленными «местами» нарративов. Й. Брокмейер и Р. Харре пишут, что в случае, если тот или иной текст (в том числе и философский) носит строго аналитический характер (например, анализирует концепцию), то было бы неестественно укладывать его «в прокрустово ложе “рассказывания историй”» [4, с. 31-32].

Думается, что у изучения рецепций стоических идей в философии сквозь призму нарративной методологии есть ряд сильных сторон.

Во-первых, анализ в философской мысли именно нарратива стоиков видится продуктивной исследовательской стратегией, поскольку он позволяет фиксировать совершенно нестрогие с историко-философской точки зрения рецепции (которые иногда даже противоречат историческому учению Стои) как существенные, отражающие понимание стоических идей в культуре того или иного периода. Это дает возможность проследить влияние такого понимания на последующую мысль.

Так, например, К. Ясперс, еще не будучи «профессиональным» философом, в своем труде «Психология мировоззрений» 1919 г. выделяет в качестве отдельной личностной установки стоическую и оценивает её достаточно критически [31, S. 90-93]. Влияние этого прочтения нарратива стоиков можно проследить в его более поздних работах. Не стоит и говорить, что это совсем не рецепция стоической философии, сопровождаемая анализом фрагментов античных текстов, воссозданием картины учения Стои и пр. Сложно назвать это и стоицизмом. Сам философ позже отмечал, что по сравнению со специальной философской литературой его «Психология мировоззрений» не была строгой. Сам он мыслил во многом еще как психопатолог, который хотя и читал с юности книги по философии, но не изучал её системно [5, с. 134].

Во-вторых, применение нарративного метода к рецепциям стоического наследия позволяет вынести за скобки вопрос об истинности или ложности того или иного прочтения стоических идей и сосредоточиться на его содержании.

Так, Т. Бенатуил указывает, что во французской философии XX века характер рецепций стоической мысли определялся господствующим философским направлением. В связи с первенством подхода, ставящего во главу угла сознание, стоические идеи в первой половине XX века в лице Э. О. Шартье и Ж.-П. Сартра получили свою «феноменологическую» трактовку. С развитием структурализма целая плеяда философов и историков философии (Ж. Кангилем, Э. Брейе, В. Голдшмидт, Ж. Делез) была склонна видеть в стоических идеях подобие «системы» [25, р. 363-364].

Отметим, вряд ли можно говорить, что понимание стоических идей Ж. Кангилом или Э. Брейе «правильнее», чем их трактовка Э. О. Шартье; что их рецепция Ж.-П. Сартром имеет больше прав на одобрение, чем рецепция Ж. Делеза. Гораздо важнее зафиксировать, что стоические идеи одинаково приживаются в самых разных, даже конфликтующих философских формациях. Это еще раз подчеркивает их непреходящее значение для западной мысли.

Тем не менее представляется, что, как и всякое теоретическое построение, предлагаемый нами подход имеет свои ограничения. Так, мы утверждали, что именно философия – актуальная творческая мысль – совершает рецепцию стоического нарратива, в то время как историко-философские исследования работают с воссозданием исторического облика учения Стои. Однако, как указывает тот же Т. Бенатуил, в некоторых случаях философская рецепция стоических идей складывается под вполне прослеживаемым влиянием тех или иных историко-философских разработок, определенной интеллектуальной традиции [Ibidem, р. 362]. Очевидно, что сложная историографическая, текстологическая, филологическая работа, которой занимается историк философии, не исключает того, что его историко-философский труд возымает последствия для восприятия стоического нарратива в философии. С другой стороны, он, как эмпирическая личность, может воспринимать тот или иной тип стоического нарратива, представленного в его культуре, в его время, и это способно оказать влияние на его изыскания. Так или иначе, исследование стоического нарратива в философии должно быть в перспективе расширено и на историко-философскую плоскость.

Итак, проведенная работа позволяет нам перейти к **выводам**.

Целью статьи было выявить нарративное измерение стоического наследия в философской мысли Запада.

Приняв за исходную точку понимание нарратива как подвида дискурса, мы проанализировали предложенную А. А. Столяровым схему исторического развития «стоической мудрости». Особенности последней позволяют говорить о её нарративном характере, указания на что мы находим у целого ряда философов и историков философии.

Таким образом, главный вывод нашей работы состоит в том, что стоическое наследие в западном мире не исчерпывается ни древним стоическим учением как таковым, ни стоицизмом, если разуместь под ним определенность того или иного духовного движения, ангажированного стоическими идеями, как прежде всего практической философией. Более широкую представленность в культуре имеет стоический нарратив, а нарративное измерение стоических идей особенно актуализируется в философской мысли, которая, как свободное творчество, в гораздо меньшей степени заинтересована в строгом следовании доктринам исторической Стои.

Можно утверждать, что в истории мысли стоические идеи в виде стоического нарратива демонстрируют поразительную противоречивость и многогранность в интерпретациях. Нарратив стоиков одинаково успешно интегрируется в «противоборствующие» направления мысли. Ряд философов находят его крайне востребованным и опираются на него в деле построения собственных концепций, другие подчеркивают его преходимость и подвергают критике. Впрочем, последние лишь подтверждают (хоть и негативно) востребованность и непреходящее значение стоических идей. Всё это означает, что стоический нарратив не может быть сведен к некоему единственно верному изводу, зафиксирован в своей определенности раз и навсегда. Он, напротив, каждый раз рождается заново в движении мысли, когда человек обращается к стоическому наследию как к некоему мерилу в попытке осмыслить Бога, самого себя, другого, окружающий мир.

В данном исследовании мы лишь обозначили проблему применения нарративного подхода к стоическому наследию в философской мысли. Перспектива работы в этом направлении включает в себя анализ огромного корпуса текстов представителей различных философских направлений. Думается, что разнообразие, противоречивость, богатство рецепций стоического нарратива, которые в перспективе может продемонстрировать такое разыскание, внесут некоторый вклад в наше понимание как развития философской мысли, так и значения стоического наследия для западного мира.

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-011-01123 А
«Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии:
сравнительный анализ полемического дискурса».*

Список источников

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М. – СПб.: Степной ветер; Коло, 2005. 448 с.
2. Ален. Суждения. М.: Республика, 2000. 399 с.
3. Брейе Э. Как я понимаю историю философии // Брейе Э. Философия Плотина. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 277-287.
4. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 29-42.
5. Власова О. А. Карл Ясперс. Путь философа. СПб.: Владимир Даль, 2018. 463 с.
6. Гаджигурбанова П. А. Стоическая моралистика как объект философской рефлексии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 1 (46). С. 102-108.
7. Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 384 с.
8. Евлампиев И. И. Лев Толстой и поиски истинного христианства в русской философии // Философские науки. 2018. № 8. С. 90-107.
9. Карабаева А. Г. Нарратив в науке и образовании // Инновации и образование: сб. материалов конф. Серия "Symposium". 2003. Вып. 29. С. 89-96.
10. Попов Д. С. Трансформация нарративных образов стоицизма в мировой художественной литературе конца XIX – первой половины XX века // Studia Culturae. 2018. № 4 (38). С. 134-148.
11. Салимгареев М. В. Стоя и стоическое наследие в России (середина XIX – начало XX века): дисс. ... к. ист. н. Казань, 2004. 227 с.
12. Спыну Л. М. В поисках истины: философия «абсурда и свободы» А. Камю // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2012. № 3. С. 99-112.
13. Степанова А. С. Физика стоиков: доминирующие принципы онтокосмологической концепции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 164 с.
14. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками групп», 1995. 448 с.
15. Терехова Т. А., Малахаева С. К. Нарративный анализ как понимающий метод // Гуманитарный вектор. 2015. № 1 (41). С. 143-152.
16. Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1996. С. 7-131.
17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 41. Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. 1904-1908. Январь-август. 610 с.
18. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014. 358 с.
19. Швейцер А. Философия культуры // Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. С. 44-240.
20. Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 317-664.
21. Шестов Л. Гефсиманская ночь (философия Паскаля) // Шестов Л. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 278-324.
22. Шестов Л. Неистовые речи (об экстазах Плотина) // Шестов Л. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 325-364.
23. Шестов Л. Potestas clavium // Шестов Л. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 17-316.
24. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. СПб.: Наука, 2000. 272 с.
25. Benatouil Th. Stoicism and twentieth-century French philosophy // The Routledge Handbook of the Stoic Tradition. L. – N. Y.: Routledge, 2016. P. 360-373.
26. Brooke Ch. How the Stoics Became Atheists // The Historical Journal. 2006. Vol. 49. Iss. 2. P. 387-402.
27. Brooke Ch. Philosophic Pride: Stoicism and Political Thought from Lipsius to Rousseau. Princeton – Oxford: Princeton University Press, 2012. XXI+280 p.
28. Cassirer E. The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 1946. 303 p.
29. James W. Principles of Psychology: in 2 vols. N. Y.: Henry Holt & Company, 1890. Vol. 1. 689 p.
30. James W. The Varieties of Religious Experience. A Study in Human Nature. N. Y. – L. – Bombay: Longmans, Green & Co, 1902. 534 p.
31. Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1919. 428 S.

32. Pauly F. Vom Überleben in heillosen Zeiten. Stoizismus in der Weltliteratur vom Fin de siècle bis zur Gegenwart // Stoizismus in der europäischen Philosophie, Literatur, Kunst und Politik. Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Moderne: in 2 Bänden. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 2008. Bd. 2. S. 1201-1266.
33. Russell B. The Life without Fear // The Basic Writings of B. Russell, 1903-1959. N. Y.: Simon and Schuster, 1961. P. 710-715.

Stoic Narrative: On the Problem of Studying Stoic Heritage in the Western Philosophical Thought

Popov Danil Sergeevich
Saint Petersburg University
Evsevy-Dan@yandex.ru

The paper aims to analyse the phenomenon of Stoic narrative in the western philosophical thought. Considering narrative as a subtype of discourse, the author reveals correlation of the notions “Stoic narrative” and “Stoic wisdom” in the western philosophy. Relying on works of domestic and foreign specialists in Stoic philosophy, the researcher for the first time applies narrative methodology to identify the role of “Stoic wisdom” in culture, which constitutes scientific originality of the study. The findings indicate that Stoic narrative, being an integral component of the western philosophical thought, is an autonomous form of the Stoic doctrine cultural representation, along with Stoa and Stoicism. Interpreting Stoa Poikile (Painted Porch) heritage as narrative allows developing new methodology to study the place and role of Stoic conceptions in philosophy.

Key words and phrases: Stoic philosophy; Stoicism; Stoic heritage; Stoic narrative; philosophical thought.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.16>

Дата поступления рукописи: 27.07.2020

Цель исследования – выявить теоретико-философские аспекты символического языка в проекте театра Антонена Арто в ракурсе культурной антропологии. В статье проясняется содержание понятия «иероглиф», принятого в театральной теории Арто, а также проводится анализ интеллектуальных стратегий данного автора в области выразительных возможностей театра. *Научная новизна* исследования состоит в прояснении философско-антропологических аспектов теории Арто в контексте культурно-антропологических концепций. *В результате* выявлен фундаментальный характер театрального языка Арто, продемонстрирована значимость мифо-ритуального аспекта этого языка.

Ключевые слова и фразы: Антонен Арто; иероглиф; театр; миф; язык.

Шалганов Роман Дмитриевич

Карелин Владислав Михайлович, к. филос. н., доц.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
Shamsham23@yandex.ru; vlad.karelin@gmail.com

Иероглиф как элемент ритуального языка в театральном проекте Антонена Арто

Актуальность проблематики данной статьи обусловлена тем, что на сегодняшний день наблюдается повышение интереса к фигуре Антонена Арто как теоретика театра и мыслителя, в частности, выходят новые переводы его работ. В обстановке повышения интереса к фигуре драматурга возникает также запрос на осмысление предложенных им концепций. Как известно, Арто нередко определяют как философа – в силу специфики самого теоретического метода и предметов обсуждения в его трудах, – хотя философом в общепринятом академическом смысле он не являлся.

В соответствии с целью исследования определены следующие *задачи*:

- анализ философско-антропологического содержания творчества Арто;
- выявление значения ведущих проблематик мифа, ритуала и соответствующего им авторского концепта иероглифа;
- анализ указанных проблематик в свете культурно-антропологических концепций, в которых они изучены достаточно обстоятельно.

Отличительной чертой данного исследования является опора на ряд антропологических концепций, которые используются для решения поставленных задач, а также акцент на мифологическую основу нового театра в теории Арто, равно как и попытка указать на тот факт, что одной из ключевых целей нового театра для Арто является разработка нового типа мышления.

Теоретической базой исследования послужили работы самого Арто (в качестве источниковой базы) – прежде всего, произведения «Режиссура и метафизика», «Театр и культура», «Сюрреализм и революция», а также исследования в области культурной антропологии таких теоретиков, как Э. Дюркгейм, М. Мосс, Л. Леви-Брюль, В. Тернер.

Методы исследования. С учетом специфики поставленных задач важную роль в исследовании заняли метод философской компаративистики, позволяющий сопоставить концепции из различных областей гуманитарного